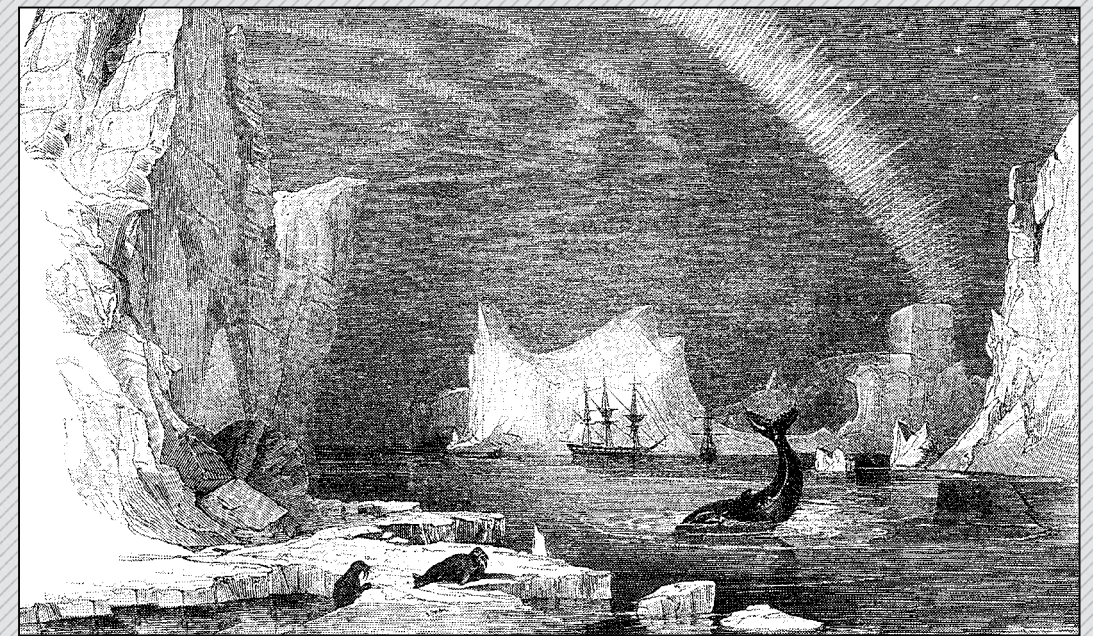

Фрагмент Канадского арктического архипелага

Остров Кинг-Уильям

Часть I

Остров Кинг-Уильям, 29 июня 1981

*Пустынный остров – Экспедиция Франклина –
Первая находка – Скелет моряка – След цинги –
История болезни – Свидетельства страшной смерти*

Остров Кинг-Уильям — одно из самых изолированных мест на планете. Это ничем, на первый взгляд, не примечательная полярная полупустыня, в которой выходы известняка и болота щедро разбавлены ледяными озерами. Остров расположен в Канадском Арктическом архипелаге и отделен от северного побережья Североамериканского континента проливом Симпсон. При том, что он занимает солидную площадь — 5244,5 кв. миль (13 111 кв. км) — на острове нет горных пиков и значительных возвышенностей. Самая высокая точка поднимается над уровнем моря всего на 450 футов (137 м). Однако история этого скучного с точки зрения ландшафта острова насыщена самыми настоящими драматическими событиями.

Именно здесь в 1848 году превосходно оснащенная и подготовленная Британская Арктическая экспедиция под руководством сэра Джона Франклина закончилась невиданной трагедией. Погибли все ее участники — 129 человек. Никто не вернулся из Арктики, чтобы рассказать о достижениях или потерях, а оба экспедиционных судна — корабли Ее Величества «Эребус» и «Террор» — бесследно исчезли, так же как и все письменные отчеты экспедиции. Британские и американские исследователи, пытавшиеся понять причины трагедии, были обескуражены тем, как мало осталось от великолепно снаряженной команды. Устные предания местных жителей — инуитов, некоторые артефакты, человеческие останки и одна записка, найденная исследователями XIX века — вот и все, чем располагали историки для реконструкции событий.

В штормовой и почти морозный июньский день 1981 года члены археологической группы из университета Альберты занимались поисками человеческих останков рядом с мысом Бут Пойнт, на южном побережье острова Кинг-Уильям. Они надеялись, что их расследование прольет свет на события последних дней пропавшей экспедиции. Было известно, что именно здесь проходил путь уцелевших моряков на материк к урочищу, впоследствии названному Бухтой Голодной смерти. Там и завершилась эта трагедия. Ученые начали свое расследование с места, обнаруженного их предшественником — американским исследователем Чарльзом Фрэнсисом Холлом, который в 1869 году, следуя описаниям инуитов, нашел могилу, принадлежащую кому-то из членов пропавшей экспедиции:

«После получасового пути экспедиция сделала привал в небольшой ложбине, известной у местного населения под названием „Кунгэарклеару“. Они уверяли, что там „был похоронен белый“. Предание об этом передавалось из уст в уста со слов только одного свидетеля, нашедшего захоронение. Место было отмечено холмом, но под снегом вся поверхность казалась ровной. Там поставили памятник, а местоположение... подробно описали».

Первый день исследований в 1981 году закончился безрезультатно. Лишь на следующее утро, 29 июня, полевой ассистент Карен Дигби подошла к судебному антропологу Оуэну Битти и археологу Джеймсу Савеллю, крепко сжимая в правой руке нечто, похожее на осколок разбитой чашки.

«Кажется, это для нас важно. Она человеческая?» — спросила Дигби, протягивая Битти белую черепную кость.

Это была первая серьезная находка в ходе раскопок, ставшая отправной точкой судебно-медицинских расследований Битти. Отметив место, где она нашла кость, Дигби привела туда остальных членов группы. В еле заметном углублении в песчаной почве покоились части человеческого черепа, и, вернув найденный ранее фрагмент на место, ученые приступили к поиску других останков.

Сначала было обнаружено лишь несколько осколков костей. Но после шести часов упорного труда, когда был просмотрен каждый дюйм почвы, исследователи нашли, сфотографировали, нанесли на карту, а затем собрали тридцать один фрагмент человеческих костей. Большинство останков были найдены на поверхности, остальные покрывал мох и песок.

Текстура костей свидетельствовала о суровости северного климата. Внешняя сторона высветлилась добела, а местами потрескалась и при касании осыпалась хлопьями. На выбеленных костях цепко закрепились ярко окрашенные кляксы мхов и лишайников, будто пытаясь защитить их перед очередной суровой зимой. Светло-коричневая внутренняя сторона костей, не подвергавшаяся никаким внешним воздействиям, оказалась в хорошем состоянии, сохранив все анатомические особенности. Исследователям удалось также обнаружить несколько артефактов, включая пуговицу из ракушки, относящуюся к первой половине XIX века, и мундштук керамической трубки той же эпохи. Скелетные останки и артефакты были найдены на участке примерно в 33 на 50 футов (10 на 15 м), в центре которого находились фрагменты каменных кругов, некогда выложенных по периметру палаток.

Главный вопрос, который обычно возникает у судебных антропологов при исследовании человеческих костей, — принадлежат они одному человеку или нескольким? Битти тщательно изучил останки и определил, что ни одна кость и ни одна анатомическая особенность не повторяются, а их размер и характеристики таковы, что позволяют с уверенностью утверждать, что они относятся к одному человеку.

Форма лобовой кости черепа и особенности строения глазниц доказывали, что, вероятнее всего, это останки европейца.

Выступающая надбровная дуга, отчетливые следы хорошо развитых мышц, а также форма костей конечностей указывали на то, что скелет принадлежал мужчине. Черепные швы (соединения между костными частями черепа, которые исчезают с возрастом) были все еще слегка заметны, и это означало, что мужчине на момент смерти было всего двадцать — двадцать пять лет.

Многим останки моряка из команды Франклина всего лишь напомнили бы о давней полярной трагедии. Но для Битти эта находка была как будто посланием одного из членов экипажа Франклина, дошедшим до нас сквозь время для того, чтобы ответить на многие вопросы.

Пористые повреждения на поверхности скелета указывали на метаболический стресс, возникающий при скудном питании. Такие костные деформации характерны для различных видов анемии, в первую очередь — для железодефицитной анемии. Это было первое вещественное доказательство, подкрепляющее мнение историков о том, что члены экспедиции на протяжении последних

месяцев своей жизни страдали от изнуряющих симптомов цинги. Области мелких щербин и расслоений на костях были такими же, какие обычно отмечают при дефиците витамина С, вызывающем цингу. Так же легко идентифицировались изменения костей в результате воспаления надкостницы. В этом случае еще при жизни кожа становится похожей на пергамент и плотно прилегает к поверхности костей. Другие патологические изменения указывали на последствия подкожных кровоизлияний. При заболевании цингой такие костные деформации могут возникать даже при повседневных физических нагрузках.

С XVI века, с начала европейской экспансии, цинга стала настоящим бичом для долговременных морских экспедиций. Моряки, длительное время обходившиеся без свежих фруктов и овощей, становились жертвами этой смертельной болезни. В XVIII веке цинга унесла больше жизней моряков Королевского флота Великобритании, чем все морские сражения, вместе взятые.

В 40-е годы XVIII века командор Джордж Энсон во время похода эскадры по Тихому океану потерял из-за цинги тысячу триста человек из двухтысячного экипажа. Капеллан экспедиции Ричард Уолтер в своем отчете приводит набор ужасных симптомов болезни — язвы, сильные боли в конечностях, спонтанные кровоизлияния в разных частях тела, а также посинение и воспаление тканей десен, которое приводило к выпадению зубов и появлению ужасного запаха. Уолтер также отметил странное влияние болезни на органы чувств и психику. Запах цветов лотоса, доносящийся с берега, заставлял людей корчиться в агонии, а звук стрельбы из мушкетов мог оказаться фатальным для пациентов с запущенными случаями. Моряки начинали безутешно рыдать по малейшему поводу и мучились от безутешной тоски.

Цинга — результат недостатка аскорбиновой кислоты. Эту болезнь сегодня эффективно лечат за двадцать четыре часа потреблением больших доз витамина С. Но вплоть до 1917 года оставалась загадкой главная причина этого заболевания. В 1753 году шотландский врач Джеймс Линд издал свой известный труд «Лечение цинги», в котором экспериментально подтвердил эффективность употребления сока цитрусовых в качестве противцинготного средства.

Королевский Военно-морской флот, который критики характеризовали как «организацию, выхолаживающую душу, суровую и жестокую, как каста брахманов», поначалу принял в штыки

идею изменения рациона, и цинга продолжила сеять хаос. Только в 1795 году на флоте прислушались к советам врачей и начали постепенно вводить в пищу лимонный сок.

С недоверием относясь к витамину С, Королевский Военно-морской флот между тем активно ратовал за внедрение другого, как тогда полагали, сильнодействующего противочинготного средства. В качестве панацеи от страшной болезни предлагали консервы. До появления в начале XIX века консервированных овощей и мяса в экспедициях в основном использовали засушенные продукты, которые могли храниться в течение длительного времени, — такие как соленая говядина и свинина, печенье, пеммикан (брикеты из сушеного и растертого в порошок оленьего или бизоньего мяса, — *прим. перев.*) и мука. Однако такие припасы быстро портились, им наносили ущерб насекомые и грызуны, а главное, ни один из этих продуктов не имел противочинготных свойств.

Конечно, возможность хранения пищи в герметичных металлических банках предоставляла некую свободу. Теперь моряки могли без опасений отправляться в дальние плавания и продолжительные экспедиции, зная, что у них на борту есть надежный запас мяса, овощей, фруктов и супов, которые не испортятся на протяжении всего пути. Именно это простое изобретение — консервированное мясо и овощи, а также успешное применение на флоте сока лайма, убедили Адмиралтейство в том, что длительные арктические путешествия, такие как экспедиция Франклина, могут быть успешно осуществлены.

Хотя консервированные продукты оказались очень полезным изобретением, их противочинготные свойства ничем не подтверждались, но считались почти бесспорными. Консервирование в те времена требовало почти полного погружения жестяной банки в кипящую или соленую воду, что начисто уничтожало всю аскорбиновую кислоту в продуктах. Приготовленные таким способом мясо, овощи, супы и даже фрукты в качестве противочинготного средства были совершенно бесполезны. Тем не менее на протяжении довольно длительного времени люди не теряли надежды, что во время арктических путешествий им удастся уберечься от цинги с помощью обильного потребления консервированного мяса, овощей и лимонного сока.

Изучение скелета, найденного около Бут Пойнт учеными университета Альберты в 1981 году, лишний раз доказало обратное. Они тогда не сомневались, что именно цинга подорвала здоровье

людей Франклина в последний год экспедиции и, вероятнее всего, привела моряков к гибели.

Другие находки также не давали покоя исследователям: необычное положение костей у входа в круглую палатку, факт наличия одних костей и отсутствия других, а также следы от ножевых порезов на кости правого бедра. К тому же Битти отметил нетипичную остроугольную форму фрагментов черепа и особую сходимость линий разломов. Все это указывало на то, что этот человек умер насильственной смертью. Ученый высказал предположение, что причина этого молодого моряка, вероятно, была более страшной, чем описывалось в воспоминаниях инуитов. По их рассказам, члены экипажа Франклина «падали и умирали во время пути». Неужели это была первая настоящая улика, подтверждающая свидетельства местных жителей, что в экспедиции наблюдались факты каннибализма?

В последующие пять лет были организованы еще три научные экспедиции в Канадскую Арктику. Все они оказались насыщеными событиями, научными гипотезами, находками и открытиями. Но их итогом стала эксгумация сохранившихся тел трех матросов Франклина с острова Бичи в 1984–1986 гг. Это дало Битти и его коллегам уникальную возможность заглянуть в далекое прошлое. Они были первыми, кто смог реконструировать события, закончившиеся крахом выдающегося начинания в истории полярных исследований.